

Дмитрий Шостакович
Симфония № 13 «Бабий Яр» (1962)
Стихи Евгения Евтушенко

I. БАБИЙ ЯР

Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно.
Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.

Мне кажется сейчас –
я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну, –
и до сих пор на мне – следы гвоздей.

Мне кажется, что Дрейфус –
это я.
Мещанство –
мой доносчик и судья.
Я за решёткой.
Я попал в кольцо.
Затравленный,
оплёванный,
оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.

Мне кажется –
я мальчик в Белостоке.
Кровь льётся, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожди трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.
Я, сапогом отброшенный, бессильнен.
Напрасно я погромщиков молю.
Под гогот:
«Бей жидов, спасай Россию!» –
лабазник избивает мать мою.

О, русский мой народ! –
Я знаю – ты
По сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.
Я знаю доброту твоей земли.
Как подло,
что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли себя
«Союзом русского народа»!

Мне кажется:
я – это Анна Франк,
прозрачная,
как веточка в апреле.
И я люблю.
И мне не надо фраз.

Но надо,
чтоб друг в друга мы смотрели.
Как мало можно видеть,
обонять!
Нельзя нам листве
и нельзя нам неба.
Но можно очень много –
это нежно
друг друга в тёмной комнате обнять.
Сюда идут?
Не бойся – это гулы
самой весны –
она сюда идёт.
Иди ко мне.
Дай мне скорее губы.
Ломают дверь?
Нет – это ледоход...

Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно,
по-судейски.
Всё молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую, как медленно седею.
И сам я,
как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребённых.
Я –
каждый здесь расстрелянный старик.
Я –
каждый здесь расстрелянный ребёнок.
Ничто во мне
про это не забудет!
«Интернационал»
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.

Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,
как еврей,
и потому –
я настоящий русский!

II. ЮМОР

Цари, короли, императоры,
Властители всей земли
Командовали парадом,
Но юмором – не могли.

В дворцы именитых особ,
все дни возлежащих выхоленно,
являлся бродяга Эзоп,
и нищими они выглядели.

В домах, где ханжа наследил
Своими ногами щуплыми,
Всю пошлость Ходжа Насреддин
Сшибал, как шахматы, шутками.

Хотели юмор купить –
Да только его не купишь!
Хотели юмор убить –
А юмор показывал кукиш!

Бороться с ним дело трудное.
Казнили его без конца.
Его голова отрубленная
Качалась на пике стрельца.
Но лишь скоморошья дудочки
Свой начинали сказ
Он звонко кричал:
«Я туточки!» –
И лихо пускался в пляс.

В потрёпанном куцем пальтишке,
Понурясь и словно каясь,
Преступником политическим
Он, пойманный, шёл на казнь.
Всем видом покорность выказывал:
«Готов к неземному житью».
Как вдруг из пальтишка выскальзывал,
Рукою махал...
И тютю!

Юмор прятали в камеры,
Да чёрта с два удалось.
Решётки и стены каменные
Он проходил насквозь.
Откашливаясь простужено,
как рядовой боец
шагал он частушкой-простушкой
с винтовкой
на Зимний Дворец.

Привык он к взглядам сумрачным
Но это ему не вредит,
И сам на себя с юмором
Юмор порою глядит.
Он вечен.
Он ловок и юрок.
Пройдет через всё, через всех.
Итак, да славится юмор!
Он – мужественный человек.

III. В МАГАЗИНЕ

Кто в платке, а кто в платочке,
как на подвиг, как на труд,
в магазин поодиночке
молча женщины идут.

О! бидонов их бряцанье,
звон бутылок и кастрюль!
Пахнет луком, огурцами,
пахнет соусом «Кабуль».

Зябну, долго в кассу стоя,
но покуда движусь к ней,
от дыханья женщин стольких
в магазине всё теплей.

Они тихо поджидают –
боги добрые семьи,
и в руках они сжимают
деньги трудные свои.

Это женщины России.
Это наша честь и суд.
И бетон они месили,
и пахали, и косили...
Всё они переносили,
всё они перенесут.

Всё на свете им посильно, –
столько силы им дано.
Их обсчитывать постыдно.
Их обвешивать грешно.

И, в карман пельмени сунув,
я смотрю, смущён и тих,
на усталые от сумок
руки праведные их.

IV. СТРАХИ

Умирают в России страхи
словно призраки прежних лет.
Лишь на паперти, как старухи,
кое-где ещё просят на хлеб.

Я их помню во власти и силе
при дворе торжествующей лжи.
Страхи всюду как тени скользили,
проникали во все этажи.

Потихоньку людей приручали
и на всё налагали печать:
где молчать бы –
кричать приучали,
и молчать –
где бы надо кричать.

Это стало сегодня далёким.
Даже странно и вспомнить теперь.
Тайный страх перед чьим-то доносом,
Тайный страх перед стуком в дверь.

Ну а страх говорить с иностранцем?
С иностранцем-то что, а с женой?
Ну а страх безотчётный остаться
после маршей вдвоём с тишиной?

Не боялись мы строить в метели,
уходить под снарядами в бой,
но боялись порою смертельно
разговаривать сами с собой.

Нас не сбили и не растлили,
и недаром сейчас во врагах,
победившая страхи Россия,
ещё больший рождает страх.

Страхи новые вижу, светлея:
страх неискренним быть со страной,
страх неправдой унижить идеи,
что являются правдой самой!
страх фанфарить до одурения,
страх чужие слова повторять,
страх унижить других недоверьем
и чрезмерно себе доверять.

Умирают в России страхи.
И когда я пишу эти строки
и порою невольно спешу,
то пишу их в единственном страхе,
что не в полную силу пишу.

V. КАРЬЕРА

Твердили пастыри, что вреден
и неразумен Галилей,
но, как показывает время:
кто неразумен, тот умней.

Учёный, сверстник Галилея,
был Галилея не глупее.
Он знал, что вертится земля,
но у него была семья.

И он, сядя с женой в карету,
свершив предательство своё,
считал, что делает карьеру,
а между тем губил её.

За осознание планеты
шёл Галилей один на риск.
И стал великим он... Вот это
я понимаю – карьерист!

Итак, да здравствует карьера,
когда карьера такова,
как у Шекспира и Пастера,
Гомера и Толстого... Льва!

Зачем их грязью покрывали?
Талант – талант, как ни клейми.
Забыты те, кто проклинали,
но помнят тех, кого кляли.

Все те, кто рвались в стратосферу,
врачи, что гибли от холер, –
вот эти делали карьеру!
Я с их карьер беру пример.

Я верю в их святую веру.
Их вера – мужество моё.
Я делаю себе карьеру
тем, что не делаю её!